

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЕ
КОМИССИИ**

Выпуск 33

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
2019

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
А. В. Дубровский, С. И. Панов

ISBN 978-5-94668-262-6

© Авторы статей, 2019
© Пушкинская комиссия РАН, 2019

А. Л. СОБОЛЕВ

**К БИОГРАФИИ Н. А. СИНЯВСКОГО,
СОАВТОРА КНИГИ «ПУШКИН В ПЕЧАТИ»**

30 мая 1938 г. Теодор Маркович Левит, поэт и филолог, пытавшийся в свое время обогатить околпушкинский фольклор корпусом скоромных анекдотов, собранных у соседей по госпитальной палате,¹ писал М. А. Цявловскому: «Зачем сохранять на титуле фамилию “второго” составителя? Все знают этот труд, как Ваш. Знаю, что вопрос риторический, но обидно ссылаться на Вас, ставя Вашу фамилию на втором месте».² В самом деле, вопрос этот очевидным образом назрел: к моменту републикации основополагающего библиографического труда Н. А. Синявского и М. А. Цявловского «Пушкин в печати» (М., 1938; 1-е изд. — М., 1914) пути бывших соавторов разошлись более чем радикально — и безвестность первого из них казалась особенно глубокой на фоне отвердевающего официального статуса второго. За последующие годы личность Синявского забылась еще в большей степени, так что в именных указателях к некоторым пушкинским библиографиям оказывался утрачен даже второй его инициал.³ Архив Левита до наших дней не дошел, так что мы лишены возможности узнать, что было сказано ему в ответном письме; нет способа судить даже о его тоне и степени подробности. Впрочем, если предположить, что Цявловский был настроен говорить о своем бывшем товарище, он мог бы сообщить примерно следующее.

¹ Значительный их свод собран в большом письме к М. А. Цявловскому от 17 сентября 1928 г. (РО ИРЛИ, ф. 387, № 206, л. 1–4).

² Там же, л. 5 об.

³ См., например: Фомин А. Г. Puschkiniana 1911–1917. М.; Л., 1937.

Николай Александрович Синявский родился 11 октября 1883 г. в Москве. В свидетельстве о крещении, состоявшемся в Богородицко-Рождественской церкви, указаны его родители: «Потомственный дворянин канцелярский служитель Александр Иванович Синявский, православного вероисповедания и законная его жена Ульриха Иосифовна, римско-католического исповедания, оба в первом браке». ⁴ Двадцать четыре года спустя, отвечая на вопросы полицейской анкеты (об обстоятельствах чего будет сказано ниже), он продиктует для графы «состав семьи» следующие сведения: «Александр Иванович Синявский. Ольга Осиповна Синявская. Брат Сергей 19 лет под стражей в Таганской тюрьме <?> в Москве. Борис 13 лет в гимназии, Любовь 29 лет в Москве в конторе “Посредник”, Вера 26 лет живет на Канатчиковой даче около Москвы, Надежда 21 год при родителях». ⁵

В 1895 г. Синявский поступил в Седьмую московскую классическую гимназию (официальный ее титул: «7-я гимназия в память Императора Александра III»), где проучился восемь положенных лет. В аттестате зрелости упоминаются отличное поведение, хорошая «исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ», хорошее прилежание и «достаточно развитая» любознательность. Среди итоговых отметок в аттестате пять «отлично» (Закон Божий, логика, математическая география, история и немецкий язык) и восемь «хорошо» (все остальные предметы). ⁶ Оригинал аттестата подшит к прошению, составленному Синявским 15 июля 1903 г. на имя ректора Московского университета: «Желая для продолжения образования поступить в Московский университет, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на историко-филологический факультет, на основании прилагаемых при сем документов вместе с копиями с оных. <Следует список документов.> При чем, на основании Высочайше утвержденного Уста-

⁴ Копия свидетельства подшита в университетском деле: ЦИАМ, ф. 418, оп. 317, № 1028, л. 5.

⁵ ГАРФ, ф. 63, дела 1907 г., оп. 27, № 2662, л. 5. Дело выдается в читальный зал в виде некачественного микрофильма с дефектного оригинала, так что не исключены ошибки чтения (особенно при описании судьбы брата Сергея). Отец Александр Иванович фигурирует в московских адресных книгах с начала XX в. иногда в качестве частного поверенного, иногда без обозначения профессии. Сестра Любовь появится там в конце 1910-х гг. (см. далее). Местопребывание Веры очевидно означало, что она страдала душевным заболеванием. Брат Борис будет (как и сам Николай) работать в Московской контрольной палате (см. его формулярный список: РГИА, ф. 1349, оп. 2, № 205, л. 96–97).

⁶ ЦИАМ, ф. 418, оп. 317, № 1028, л. 4–4 об.

ва Императорских Российских Университетов, обязуюсь во все время пребывания моего в Университете подчиняться правилам и постановлениям университетским».⁷

Университетское личное дело Синявского почти не содержит подробностей о ходе его учебы — если не считать ходатайства об условном переводе на второй курс, несмотря на неудачно сданный экзамен по римской истории (на полях его неизвестной рукой было подсчитано: «учебных дней — 122, пропущено — 33» и вынесена резолюция — «перевести»)⁸. Впрочем, подшитый в том же деле диплом, оформленный 30 мая 1910 г., фиксирует ощутимые успехи в учебе — примерно поровну «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно», — но первых все же больше, из-за чего диплом второй степени, а не первой.

Почти наверняка именно в университете Синявский встретился со своим будущим соавтором: Цявловский, хотя и был его ровесником, поступил в университет на год раньше, в 1902-м.⁹ Много лет спустя, вспоминая обстоятельства работы над пушкинской библиографией, Цявловский титуловал его «товарищ мой по государственным экзаменам»;¹⁰ можно предположить, что обстоятельства их знакомства и сближения были достаточно далеки от академических сфер. Дело в том, что оба они, несмотря на специально отбиравшуюся у каждого студента расписку («...обязуюсь во время пребывания моего в Университете не принимать участия ни в каких сообществах, как, например, землячествах и тому подобных, а равно не вступать даже в дозволенные законом общества, без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства. При сей подписке мне объявлено, что за нарушение ее я подлежу удалению из Университета»¹¹), были деятельными участниками революционного движения.

Как известно, полицейские архивы сохранились далеко не полностью; в частности, к множеству личных дел (и особенно протоколов наружного наблюдения) утрачены ключи, позволявшие сопоставить оперативные клочки с подлинными фамилиями объектов, из-за чего наши представления об освободительном движении ру-

⁷ ЦИАМ, ф. 418, оп. 317, № 1028, л. 1.

⁸ Там же, л. 15.

⁹ См. личное дело Цявловского: Там же, оп. 316, № 1080.

¹⁰ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 34.

¹¹ Цитируется по экземпляру, заполненному и подписанному Синявским: ЦИАМ, ф. 418, оп. 317, № 1028, л. 14.

бежа веков поневоле фрагментарны. В архиве московской охраны сохранилось единственное дело, касающееся Синявского. Открывается оно следующей справкой:

После арестов летом 1907 г. лиц, входящих в состав Московского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, оставшиеся на свободе члены его ввиду предстоящей предвыборной кампании приняли энергичные меры к пополнению Комитета новыми членами. Негласным путем определилось, что в состав Комитета входят «Марк» (революционная кличка) и «Таршис» и члены Владимир Прошин, Виктор Киселев и Иван Самойлов.

Для пресечения дальнейшей деятельности Комитета по распространению предвыборной литературы в ночь на 12 сентября была произведена ликвидация негласных сведений и наружного наблюдения <sic!>, в числе коих был обыскан и арестован студент Николай Александров СИНЯВСКИЙ.

Вся переписка по этому делу была препровождена Начальнику Московского Губернского Жандармского Управления при записке от 24 сентября 1907 г. за № 14258.¹²

Далее следует распоряжение приставу 1-го участка Хамовнической части о проведении обыска у студента Московского университета Николая Александрова Синявского, проживающего в доме Смирнова по Чудовской улице (кв. 1).¹³ В графе «Причины обыска» написано: «Ликвидация фракции С. Д. по |Молотку|», — что это значит, нам неизвестно. Следом подшит еще один заполненный бланк ордера на обыск, в котором предписывается «обратить особое внимание на бесцензурные издания, переписку, фотографические и визитные карточки и адреса; все эти предметы, по просмотре, должны быть опечатаны и с протоколом обыска препровождены в Отделение».¹⁴

В ночь с 11 на 12 сентября Синявский был задержан и доставлен в Хамовническую часть, при обыске и аресте оружия и боеприпасов не обнаружено. В соответствии с протоколом была заполнена анкета с установочными данными:

¹² ГАРФ, ф. 63, дела 1907 г., оп. 27, № 2662, л. 1. Таршис — Осип Аронович, более известный под псевдонимом «Пятницкий» (1882—1938). Марк — Алексей Иванович Любимов (1879—1919). Опознать остальных нам не удалось.

¹³ Эта улица (ныне утраченная) не имеет отношения к современной московской Чудовской.

¹⁴ ГАРФ, ф. 63, дела 1907 г., оп. 27, № 2662, л. 3.

Фамилия *Синявский*

Имя и отчество *Николай Александрович*

Сословие *Потомственный дворянин*

Занятие (если учащийся, то учебное заведение, курс, факультет, класс) *Студент историко-филологического факультета 4 курса Московского университета.*

Адрес в Москве *Чудовская улица, дом Смирнова.*

Постоянное местожительство (город, деревня — по оседлости) *город Москва*

Где, когда и за что задержан (подробно) *в квартире согласно предписанию Охран<ого> отделения от 11 сентября 1907 г.*¹⁵

К уже известному были добавлены сведения о вероисповедании («Православный»), национальности («Русский»), семейном положении («Холост») и источнике доходов («Заработки уроками»). Далее следовал вопрос о членах семьи, ответ на который был приведен нами выше, и продолжение установочных данных:

Место постоянного жительства родителей или заменяющих их родственников или опекунов. *В Москве.*

Экономическое положение родителей. *Нет.*

Место воспитания (указать, в каком именно заведении, сколько времени пробыл, почему оставил каждое заведение, когда поступил и когда вышел). *Окончил 7-ю Московскую школу.*

На чей счет воспитывался. *На дворянский счет.*

Был ли за границею, когда именно, где и с какой целью. *Нет.*

Привлекался ли раньше к дознаниям, каким, где и чем окончены. *Задержан 12 сентября в г. Москве.*

На предложенные вопросы отвечаю:

*В социал-демократической партии не состою и никакого участия в ее деятельности не принимаю. Николай Александрович Синявский.*¹⁶

В тот же день, 12 сентября, Синявский был приказом московского градоначальника А. А. Рейнбота заключен под стражу — но пять дней спустя по телеграмме из охранного отделения неожиданно был освобожден. Более того, вопреки обычаю, о задержании не было сообщено в университет (по крайней мере, в университетском личном деле никаких сведений об этом нет). В последующие го-

¹⁵ ГАРФ, ф. 63, дела 1907 г., оп. 27, № 2662, л. 4. Здесь и далее курсивом обозначены рукописные вставки.

¹⁶ Там же.

ды — точнее, 17 ноября 1909 г. и 21 января 1910 г. — выписки из полицейского дела Синявского были дважды затребованы через полицейский архив Московским жандармским управлением: это значит, что Синявский так или иначе попадал в поле зрения правоохранительных органов, но в связи с какими расследованиями — неизвестно.

Данные о революционном прошлом Цявловского обширнее, но большая их часть восходит к его собственным мемуарным заметкам. Писавшиеся в 1930-е и 1940-е гг., они поневоле использовали оптику текущего момента: в частности, он настойчиво отвергает в них связь с эсерами (даже воспоминание о которой могло оказаться смертельно опасным) и, напротив, с охотой вспоминает единственную встречу с Лениным.¹⁷ В полицейских архивах на сегодняшний день разыскано два дела, связанных с Цявловским, — 1907 и 1910 гг.¹⁸ В последнем случае его адрес был обнаружен при обыске у заключенных Горно-Зерентуйской каторжной тюрьмы — и, в соответствии с протоколом, Иркутское губернское жандармское управление запросило московских коллег о помощи. Те, пользуясь своими данными, отправили в Иркутск полный список обитателей квартиры Цявловских — сам Мстислав Александрович,¹⁹ его мать²⁰ и трое неизвестных нам лиц — Екатерина Ивановна Сазонова (61 год), штабс-капитан Сергей Зацепин (40 лет) и студент Николай Сергеевич Полуобяринов (трое последних не фигурируют в описанной части биографии Цявловского: не сдавались ли им комнаты «от жильцов»?²¹). 5 декабря 1910 г. в квартире Цявловских был произведен обыск; среди прочего обыскивали лично Цявловского и его жену. В результате

¹⁷ См. прежде всего: М. А. Цявловский — член РСДРП: (Воспоминания о встрече с В. И. Лениным) / Публ. А. Д. Зайцева // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 139–143.

¹⁸ ГАРФ, ф. 102, оп. 143, 5-е делопроизводство, дела 1907 г., № 50. Ч. 9; ф. 63, оп. 20, дела 1910 г., № 2023.

¹⁹ «Цявловский Мстислав Александрович, 27 л., окончивший Курс Московского Универ. Потомствен. дворянин. При нем жена София Сергеевна 27 л. Прибыла 26 июня 1910 г. из г. Костромы. Жена прибыла 1 сентября 1910 г. из г. Костромы, документ выдан из 2 уч. Хамовническ. части 11 Сентября 1910 г. № 3907 на 3 месяца. Служит в городе» (Там же, л. 1–2).

²⁰ «Цявловская Иулиания Федоровна. 62 л. Вдова капитана 1-го ранга. Прибыла 26 июня из г. Смоленска, документ выдан Нижегородским город. Полиц. упр. 7 февраля 1898 г. № 132 без срока. Проживала при сыне. 10 ноября 1910 г. выбыла в гор. Смоленск» (Там же).

²¹ Впрочем, Сазонова прибыла из Духовщины Смоленской губ., родного города Цявловских, что заставляет заподозрить хоть дальше, но родство. Сергей Зацепин имелся среди однокашников Цявловского и Синявского, но он не подходит по возрасту и профессии.

изъяли некоторое количество бумаг («записных книжек — 1, пачек писем — 1, записок разных — 16, визитных карточек — 1»²²) и отправили их в Иркутск на рассмотрение местным жандармам. Но особенно любопытна в этом деле справка, подготовленная для отправки в Сибирь полицейским архивариусом:

Вышеозначенный Цявловский был обвинен и арестован 3 декабря 1906 года по принадлежности к группе максималистов партии социалистов-революционеров, состоял членом террористического отряда, и по агентурным данным на него пал жребий совершить убийство Московских Генерал-Губернатора и Градоначальника, за что по постановлению г. Министра Внутренних дел Цявловский был выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года, считая срок с 29 января 1907 года, куда Цявловский был отправлен 26 мая 1907 года на собственный счет.

По пересмотре обстоятельств дела о Цявловском г. Министр Внутренних дел постановил: подчинить Цявловского гласному надзору полиции в городе Москве сроком по 29 января 1909 года.²³

По окончании университета Синявский, вопреки профилю законченного образования, поступает на работу в Государственный контроль — обширное ведомство, ревизовавшее предприятия, принадлежащие казне, и контролировавшее исполнение бюджета (по состоянию на 1915 г. он числится младшим ревизором Московской контрольной палаты²⁴). Очевидно, к 1912-му или началу 1913 г. относится их беседа с Цявловским, о которой последний вспоминал много лет спустя:

Как-то пришел ко мне товарищ мой по государственным экзаменам Николай Александрович Синявский, жалуясь на то, что он не знает, чем бы заняться «для души», так как по окончании Университета он принужден был для заработка поступить в Государственный контроль. В ответ на это я предложил ему заняться библиографией и, например, взять на себя часть работы задуманной мною книги «Пушкин в печати». Он охотно согласился и с увлечением по данным мною материалам просматривал и библиографически описывал отдельные издания Пушкина, журналы и альманахи, в которых появлялись произведения Пушкина при его жизни.

²² ГАРФ, ф. 63, оп. 20, дела 1910 г., № 2023, л. 6.

²³ Там же, л. 8.

²⁴ На обороте визитной карточки с этим титулом начертано его письмо к Цявловскому от 31 марта 1915 г. (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 1, № 181, л. 10).

Тексты в песенниках и в нотах я взял на себя. Из нот кое-что я достал в Румянцевском музее, библиотеке Московской консерватории и в Музыкально-теоретической библиотеке, помещавшейся в Консерватории. Но всего этого было далеко не достаточно, и нужно было ехать в Петербург, где в отделе искусств Публичной библиотеки имелось большое собрание нот. Отделом искусств в это время заведовал <Н. Д.> Чечулин, заявивший мне, что его предшественники, В. В. Стасов и <Л. А.> Сакетти, чуть ли не принципиально никаких каталогов вещей, хранимых ими, не делали (Стасов всегда ударял себя по лбу и говорил: «Вот! Здесь каталог!»), а потому мне для выявления и учета романсов на слова Пушкина, изданных при его жизни, нужно было пересматривать десятки папок с нотами. Работа эта осложнялась тем, что, как правило, на нотах не ставится год издания, и нужно было обследовать все листы нот, чтобы определить время их гравирования.²⁵

Часть сообщенных здесь сведений может быть уточнена по сохранившимся документам, прежде всего, восходящим к архиву Гершензона. Знакомство последнего с Цявловским произошло, вероятно, во второй половине 1912 года; впервые он упоминает о нем в письме к Б. Л. Модзалевскому от 21 ноября: «... был у меня недавно Цявловский и до 2-го часа ночи говорил о Пушк<ине>. Трогательно предан Пушкину и, кажется, отличный работник».²⁶ Веро-

²⁵ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 34–35.

²⁶ Гершензон М. «Пусть меня судят по моим писаниям...»: Из переписки 1904–1925 годов / Ред.-сост. Л. Л. Тумаринсон. М.; СПб., 2018. С. 291. У этого эпистолярного диалога Гершензона судьба складывалась непросто: сперва в 1996 г. была опубликована его меньшая половина (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 301–359; публ. Е. Ю. Литвин) с обширными частично неоговоренными купюрами в письмах; затем, семнадцать лет спустя, были напечатаны примерно две трети общего корпуса этой переписки (Гершензон М. «Пусть меня судят по моим писаниям...». С. 242–333); изъятия, сделанные здесь, сопровождаются примечаниями, наподобие: «Большая часть письма выпущена; в ней содержались справки биографического характера» (с. 292)). Таким образом, сейчас напечатаны (с купюрами) 50 из 61 письма Модзалевского и 57 из 83 писем Гершензона, что в практическом смысле означает регулярную и неотменяемую необходимость обращения к архивным оригиналам. Удивительным образом этим новаторским публикационным принципам и довольно небрежному комментарию сопутствует весьма удовлетворительное качество текстологической работы.

Корреспондент разделял восхищение Гершензона: «Приветствуйте Цявловского; он славно начал работать; его одна статья (из двух заметок) уже в типографии, а вторая (из погод<инского> дневника извлечения) ждет очереди» (Там же. С. 292).

ятно, Цявловский регулярно посещал Гершензона зимой 1912/13 г., знакомясь со всей его семьей,²⁷ — так что весной и летом 1913 г., посылая регулярные реляции жене, Гершензон уже не поясняет его имени. В мае—июне Цявловский навещает его почти еженедельно: «Вчера вечером я не был один: пришли сначала Сакулин с Цявловским, а попозже Богд<ан> Ал<ександрович> <Кистяковский>, пили чай и просидели до 12^{1/2}» (20 мая).²⁸ «Вчера тебе не писал от настроения — вчера был апогей, тем более что не выспался; накануне вечером был Цявловский, мне было приятно, но он просидел до 1 ч<асу> ночи, ушел в начале 2-го» (5 июня).²⁹ «А вечером у меня был Цявловский и тот англичанин Пирс, сидели до первого часа; и мы условились завтра, в воскресенье, показать Пирсу Сухаревку с книгами; они съедутся у меня в 12^{1/2}, у меня позавтракаем и отправимся» (8 июня).³⁰ «Пирса и Цявловского я вчера по телефону отменил: не хотелось истратить почти весь день, да и погода была холодная и дождливая» (10 июня).³¹

15 июня 1913 г. в первый и последний раз соавторы прибывают к Гершензону вместе: «Вечером, условившись по телефону, пришли Цявловский с другим пушкинистом, Синявским; они вдвоем делают большую библиографическую работу по Пушкину, так принесли начало показать. Условие было — уйти в 10^{1/2}, так как я рано встаю. При них пришла Е. Н. <Орлова> и просидела после них еще 10 минут, — мы выпили молоко».³²

Осенью того же года Гершензон предпринимает попытку найти издателя для будущей книги «Пушкин в печати», отправляя ее проспект и (вероятно) пробную главу А. А. Шахматову. Тот от печата-

Сам Цявловский относит время знакомства с Гершензоном к моменту, когда его статья «Пушкин и английский язык», принятая для сборника «Пушкин и его современники» (и напечатанная там: СПб., 1913. Вып. 17–18. С. 48–73), находилась в гранках (см.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 33) — то есть, вероятно, к тому же 1912 г. Переписка Модзалевского с Цявловским открывается письмом от 27 января 1912 г. (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 1, № 115, л. 1). Познакомились они в Москве, в рукописном отделении Румянцевского музея (см.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 39), но датировать эту встречу мы затрудняемся.

²⁷ См., в частности, в воспоминаниях дочери Гершензона: *Гершензон-Чегодаева Н. М.* Первые шаги жизненного пути: (Воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000. С. 24, 119.

²⁸ *Гершензон М. О., Гершензон М. Б.* Переписка. 1895–1924. М., 2018. С. 411. Здесь же приводится комментарий ко всем персональным упоминаниям.

²⁹ Там же. С. 452.

³⁰ Там же. С. 460.

³¹ Там же. С. 462.

³² Там же. С. 474.

ния работы отказался: «Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук не нашло возможности напечатать работу гг. Цявловского и Синявского. Возвращаю Вам присланный образец. Быть может, ее напечатает Б. Л. Модзалевский в “Пушкин и его современники”». ³³

Следующая попытка оказалась удачнее:

В начале нашей работы я обратился к Гершензону с просьбой найти издателя книги, которая, конечно, не могла иметь широкого распространения и для издателя с материальной стороны не представляла никакого интереса. Михаил Осипович порекомендовал мне обратиться к весьма скромному молодому человеку (сильно глухому), страстному библиофилу, Льву Эдуардовичу Бухгейму, имевшему довольно большое состояние и к этому времени начавшему издавать книги по истории книжного дела в России и другие лично его интересовавшие, без всяких коммерческих целей. Гершензон написал ему обо мне, и в назначенный день я пришел в особняк Бухгейма (Введенский пер. на Покровке), в квартиру, обставленную в крупнобуржуазном характере. <...>

Посещать милого Бухгейма было для меня праздником. Он не только, как это часто бывает, собирал книги, преимущественно по русской литературе, но и все их прочитывал. Нигде не служа, глухой, одинокий, обожавший свою старуху тетку, он в то время жил исключительно книгами — покупал, переплетал, читал и издавал. Возился с ними, можно сказать, как с детьми. Вне книжных интересов у него не было жизни. Застенчивый и малообщительный, он совсем не знал людей. Обладая огромными знаниями, он, лишенный всякого творческого дара, дальше справок, давать которые ему всегда было радостью, не шел и не мог идти. ³⁴

Письмо Гершензона к Бухгейму сохранилось:

Многоуважаемый Лев Эдуардович,
Не пожелаете ли Вы издать книжку следующего содержания.
Два молодых пушкиниста здесь, п. <sic> Цявловский и Синяв-

³³ РГБ, ф. 746, карт. 44, № 6, л. 8 (письмо от 30 сентября 1913 г.).

³⁴ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 35–36, 209–210 (коммент. К. П. Богаевской и С. И. Панова). О Бухгейме см. среди прочего: Марков А. Ф. О книгах, подаренных издателями // Невский библиофил: Альманах. СПб., 2010. Вып. 14. С. 133–139. Любопытно, что Бухгейм тоже попал в поле зрения правоохранительных органов, см. переписку о нем: ГАРФ, ф. 102, оп. 233а, № 1084.

ский, задались мыслью установить точно дату (по возможности, день) напечатания или выхода в свет *каждой пьесы Пушкина при его жизни*, что еще никогда не было сделано. С первых шагов обнаружилось, что эта датировка дает множество сведений, доселе неизвестных, часто в высшей степени важных в биографическом или историко-литературном отношении. — Теперь работа приближается к концу. Книжка эта будет называться *Пушкин в печати* и составит листов 6 печатных; авторы хотели бы получить гонорар, хоть умеренный, рублей по 50 за лист. При свидании я рассказал бы Вам подробнее и о плане, и о ценности книжки. Во всяком случае, дайте мне знать, пожалуйста, подходит ли для Вас это издание.

С искренним почтением М. Гершензон.³⁵

С материальной стороной взаимоотношений с Бухгеймом связана документированная размолвка соавторов, случившаяся весной 1914 г., когда работа над книгой уже близилась к финалу. 7 марта Синявский писал Цявловскому:

Дорогой Мстислав Александрович!

Напрасно Вы думаете, что я способен Вас ругать. Я вполне понимаю Вас, что не так удобно было просить у Бухгейма денег. Предвидя это, я предлагал свои услуги просить у него денег не только для себя, но и для Вас. Я не учел Вашей психики: как ни нуждаетесь Вы, всегда к Вашим услугам карманы Паршиных, Витова и др.,³⁶ — поэтому для Вас вполне естественно сознавать, что

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 611, № 9, л. 1. Ответные письма Бухгейма не сохранились (что весьма нетипично для хорошо сбереженного архива Гершензона). Воодушевленный живым участием Бухгейма в проекте Синявского и Цявловского, Гершензон предложил ему выступить издателем архива Огарева и болезненно воспринял его отказ.

³⁶ Паршины — семейство Михаила Александровича Паршина, основателя частного семиклассного Коммерческого училища, в котором в 1912—1914 гг. преподавал Цявловский (см. отложившиеся в его архиве программы и билеты по литературе и грамматике (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, № 590), поднесенный ему адрес выпускников училища (Там же, № 599) и сообщение о присвоении ему звания почетного члена общества выпускников училища (Там же, № 600)). Витов — Федор Александрович Витов из семьи ивановских промышленников (см. о них: *Тамарин Ю. А.* Витовы и Цяповы из села Иванова. [Б. м.]: «ЛитРес: Самиздат», 2017 (электронное издание)). Его письма к Цявловскому, начертанные в основном на бланках «Правления товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры», выдержаны в своеобразном, но несомненно дружественном тоне; ср. зачин послания 22 августа 1913 г.: «Премногоуважаемый и досточтимый будущий ученый и звезда! (не знаю с востока или с запада) Мстислав Александрович» (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 1, № 56, л. 1) или недатированную записку на поч-

можно обойтись без Бухгейма и что неудобно обращаться к нему. Вам легко стоять на своей точке зрения и быть (говоря по правде) против моего обращения к Бухгейму.

Теперь я прошу одного: поймите меня и не судите строго за то, что я все-таки решил просить для себя у Бухгейма денег.

Вы согласитесь со мной, что в этой работе мне порядочно досталось и что я много нравственных сил отдал ей, работая «не покладая рук». Чуть ли не все свободное от службы время я тратил на соби́рание материалов, для нее брал отпуск по службе, отказывался от поисков другого заработка, заставлял жену свою, слабую здоровьем, за 25 р <ублей> в м <е>с <я>щ сидеть целый день в пыльном помещении на сухом «завтраке» и пр. и пр.³⁷ Когда же, взяв свою жену со службы (она ушла 6 марта), захотел серьезнее отнестись к ее лечению (чтобы не было в конце концов последствий, аналогичных с положением Вашей жены³⁸), — и беспокоить кошелек сытого человека, мне говорят (фактически это так), что неудобно. Я рассуждаю с точки зрения высшей справедливости: неужели я, в сущности многим пожертвовавший для этой работы (из-за проблематичного будущего), — не имею нравственного права обратиться к обеспеченному человеку просить у него какие-нибудь 50 рублей, которые он мне должен будет отдать за мою работу через полтора-два месяца (хочется думать, что работа выйдет к этому времени)??

Нет, Мстислав Александрович, не возражайте и не имейте ничего против, если я, *может быть*, через несколько дней буду про-

товой бумаге «Лоскутной гостиницы»: «Многоуважаемый, высокоталантливый, высоко... не хватит слов Мстислав Александрович. Медведь очень хочет видеть молодого пушкиниста, а почитатель хочет преподнести нечто приятное. Не придете ли сейчас в Лоскутную, если да, то ответьте хоть на словах» (Там же, л. 4).

³⁷ Вероятно, жена Синявского (имени которой нам, несмотря на значительные старания, разыскать не удалось) исполняла и отдельные работы для Гершензона; ср. в письме Цявловского к нему от 22 июня 1914 г.: «Дорогой Михаил Осипович, рукопись Ваша переписана, и я ее вместе с копией 22-го отнес А. Б. Гольденвейзеру. Синявская очень извиняется, что есть помарки; но, по-моему, все читается ясно. Я ей уже заплатил 5 рублей» (Гершензон М. О. «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893—1925 годов / Сост., подгот. текста и коммент. Е. Ю. Литвин. М., 2016. С. 386).

³⁸ Софья Сергеевна Цявловская (урожд. Сабанеева; 1878—1930). Весной 1914 г. Гершензон рекомендовал ее своему брату, детскому доктору в Одессе: «Милый Бума, отсюда посылают в Одессу для лечения жену моего доброго приятеля, Софью Сергеевну Цявловскую. Она, может быть, обратится к тебе за советом насчет женской лечебницы или в этом роде, так ты будь ей в помощь. Ее я только раз видел, но муж ее, чудесный мальй, пушкинист, часто бывает у меня» (письмо от 30 мая 1914 г. — РГБ, ф. 746, карт. 20, № 21, л. 23).

силь у Бухгейма эти 50 рублей. Надеюсь, что Вы верите, что я серьезно хочу заняться здоровьем жены. Завтра, 8 марта, она пойдет за советом в гинекологическую клинику; если там ей не удастся устроиться, то будем стараться устроить ее в какую-нибудь другую лечебницу, рублей на 10—15, если же этого не удастся, то имеем в виду найти что-нибудь рублей на 50—60, — и тогда обращаться к Бухгейму.

Воспользоваться его милым отношением вовсе не значит, в данном случае, эксплуатировать его!

Спасибо за сообщение о плане нашей работы. Но второй выпуск — работа кропотливее первой, а потому (простите!) наивно думать о появлении второго выпуска в свет в сентябре: ведь большая часть этого промежутка времени приходится на лето; к тому же печатание его потребует несколько месяцев. Могу смело сказать (на основании личных впечатлений кропотливости работы), что раньше конца года нечего и ожидать второго выпуска.

Пока всего хорошего.

Ваш Н. Синявский.³⁹

Переписка между Цявловским и Гершензоном летом 1914 г. практически не велась: оба они жили в одном городе, причем не очень далеко друг от друга: нет оснований сомневаться, что все время, пока книга версталась, Гершензон был деятельным участником ее подготовки. Сохранилось единственное его недатированное письмо — отклик на одну из промежуточных корректур (которых, по воспоминаниям Цявловского, было три или четыре, так что счет, выставленный типографией Н. Кушнерева, изумил даже щедрого Бухгейма⁴⁰):

Многоуважаемый Мстислав Александрович,
по-моему, все очень красиво — и расположение, и подбор шрифтов. Мне только кажется, что следовало бы удлинить страницу строки на две, чтобы уменьшить размер книги. Вообще все взято очень роскошно, — с успехом можно бы печатать все более мелкими шрифтами; но уж это дело Л<ьва> Э<дуардовича>; а подобрано, повторяю, красиво.

Предлагаю только две поправки:

1) Наверху страниц печатать над чертою: 1814 июль — сентябрь. А цифру страницы — сбоку, справа.

³⁹ РГАЛИ, ф. 2558, оп. 1, № 181, л. 1—3. О предполагавшемся втором выпуске см. далее.

⁴⁰ См.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 36.

2) Первую строку стихотворения печатать так, как у Вас, но брать ее в кавычки: «Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!». Вот и только.⁴¹

Книга вышла в последние дни весны 1914 г.; составители собирались посвятить ее Гершензону в благодарность за помощь, но тот решительно уклонился, так что формальной данью его участию (кроме печатно выраженной признательности) остался преподнесенный ему экземпляр с инскриптом.⁴² Другой экземпляр был отправлен Н. О. Лернеру, с которым Цявловский состоял в добросердечных отношениях. Отзыв Лернера, появившийся в петербургской «Речи», был беспрецедентно суров даже по меркам его критической манеры:

Нам <...> этот труд представляется совершенно лишним, так как во всех комментированных изданиях сочинений Пушкина находятся точные сведения о времени и месте появления каждого его произведения. <...> Занимающиеся Пушкиным найдут эти сведения без труда, не специалистам же подобная работа и подавно не нужна. <...> Если бы книжка кому-нибудь на что-нибудь могла понадобиться, мы бы жаловались на непомерно высокую цену, назначенную издателем: 3 руб. за 200 страниц.⁴³

Цявловский был шокирован этим отзывом: в тот же день, только получив газету, он позвонил Гершензону, о чем последний сообщил жене: «Да еще звал меня к телефону Цявловский, очень взволнованный, и долго читал в телефон рецензию Лернера на “Пушкина в печати” из сегодняшней Речи. Лернер написал, что книга эта никому не нужна, и написал грубо и злобно; а сам шлет Цявловскому дружеские письма и эксплуатирует его всячески. А главное — крайняя несправедливость отзыва».⁴⁴ Вечером этого же дня Цявловский, спросив по телефону позволения, пришел к Гершензону искать утешения и, не выдержав, расплакался. Хотя он, просидев почти до полуночи, ушел, успокоившись, но впечатление было так велико,

⁴¹ Гершензон М. О. «Узнать и полюбить». С. 387. Предложенная публикатором датировка «Осень 1914 г.», конечно, ошибочна: здесь речь явно идет о корректуре, а книга вышла в конце весны.

⁴² См.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 36. Нынешнее местонахождение экземпляра неизвестно.

⁴³ Речь. 1914. № 141, 26 мая. С. 3.

⁴⁴ Гершензон М. О., Гершензон М. Б. Переписка. С. 510. См. там же подробный комментарий к этому эпизоду.

что психологические обоснования этому отзыву он не переставал искать и через несколько десятилетий.⁴⁵

На этом фоне последующие отзывы по умолчанию казались комплиментарными.⁴⁶ Благосклонно отозвался о книге другой пушкинист, П. Н. Сакулин.⁴⁷ Анонимный обозреватель «Русского филологического вестника» (возможно, им был В. А. Истомин, чьим именем подписана последняя из блока рецензий) назвал труд Сиявского и Цявловского «вполне необходимым».⁴⁸ Почти восторженно оценил книгу В. Я. Брюсов, знавший толк в библиографии и имевший к ней вкус:

Труд гг. Сиявского и Цявловского принадлежит к числу добросовестнейших изысканий и, конечно, потребовал от авторов долгой кропотливой работы. В книге указаны, в строгой хронологической последовательности, все случаи, когда произведения Пушкина появлялись в печати при жизни поэта (в первый раз и в перепечатках). Обдуманная систематичность в расположении материала, простота и точность указаний, хорошие указатели, приложенные к книге, — все делает ее необходимым справочником для всех, изучающих творчество Пушкина.⁴⁹

Н. К. Пиксанов, отозвавшись о книге в высшей степени благожелательно, кажется, рассчитано спрятал в финальных строках реплики полемическое острие:

Это справочная книга для специалистов по истории русской литературы. Но ее необходимо отметить в общем историческом журнале как добрый признак общего повышения нашей культурности. Такой труд мог зародиться и завершиться только в устойчивой

⁴⁵ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 36.

⁴⁶ Полный свод отзывов см.: Фомин А. Г. Puschkiniana 1911–1917. С. 123–124.

⁴⁷ Русские ведомости. 1914. № 133. 11 июня. С. 5. Сакулин был руководителем Цявловского по пушкинскому семинарию в Московском университете.

⁴⁸ [Истомин В. А.?] [Рец. на кн.:] Пушкин в печати. 1814–1837. Составили: Н. Сиявский и М. Цявловский // Русский филологический вестник. 1914. Т. 72. № 3. С. 81.

⁴⁹ Брюсов В. [Рец. на кн.:] Пушкин в печати. 1814–1837. Составили: Н. Сиявский и М. Цявловский; Цявловский М. Два автографа Пушкина. С двумя снимками. М., 1914 // Русская мысль. 1914. № 7. Отд. II. С. 258. Впервые свое одобрение Брюсов высказал Цявловскому изустно, когда принимал у него из рук персональный экземпляр книги (Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 38). Экземпляр сохранился: РГБ, ф. 386. Книги, № 381.

и зрелой культурной среде, питающей любовь к родной поэзии. <...> Она важна и для биографа Пушкина, часто упорядочивая наши сведения о ходе его литературной деятельности. В этом отношении прекрасная работа г.г. Синявского и Цявловского раскрывает массу пропусков и неточностей в известной книге Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина».⁵⁰

У. Г. Иваск, выдающийся библиограф и собиратель, начал свой отзыв с перечисления недочетов книги, закончив, впрочем, на доброжелательной ноте:

В общем труд гг. Синявского и Цявловского выполнен добросовестно и действительно дает выразительную картину постепенного распространения среди читающей публики произведений Пушкина в его эпоху, а приложенные к основному хронологическому списку шесть вспомогательных указателей облегчают все необходимые в каждом случае справки. Издана книга если не роскошно, то, во всяком случае, нарядно, как и все вообще издания нашего издателя-любителя Бухгейма.⁵¹

Единственный, если не считать лернеровского, холодный отзыв был напечатан в «Вестнике Европы» и принадлежал перу Н. П. Кашина — но и тот, посетовав, на отсутствие в указателе истории текста отдельных произведений Пушкина, заключал: «...как справочное издание настоящая книга несомненно чрезвычайно полезна и для каждого пушкинолога она, конечно, безусловно необходима».⁵²

В первых числах июня Цявловский получил эпистолярный отзыв от Б. Л. Модзалевского:

Как Вы меня порадовали своею книгою о «Пушкине в печати». Я уже выражал свое мнение о ней в письме к Л. Э. Бухгейму,⁵³ теперь же хочу повторить его и Вам, особенно ввиду отзыва Лернера, кот<орый> до Вас уже дошел, вероятно (на всякий случай посылаю вырезку, т<ак> к<ак> у меня она оказалась лишнею). Что им руководило, не понимаю, — тем более что к нему Вы

⁵⁰ Пиксанов Н. [Рец. на кн.:] Пушкин в печати. 1814—1837. Составили: Н. Синявский и М. Цявловский // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 309.

⁵¹ Иваск У. Г. [Рец. на кн.:] Пушкин в печати. 1814—1837. Составили: Н. Синявский и М. Цявловский // Библиографические известия. 1914. № 1—2. С. 145.

⁵² Кашин Н. П. Литературное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 8. Отд. II. С. 351.

относитесь так «почтительно»; должно быть, просто желчь кипела и он ее вылил на Вас. Книга Ваша — безусловно полезная, работу Вы сделали превосходно, — насколько я мог проверить Вас по десятку примеров на выдержку, — следовательно, на указания Ваши можно смело полагаться, а что касается библиографической точности и полноты, то, по-моему, таковая никогда не может быть чрезмерной (в чем Вас упрекает Лернер). Мое мнение, что, когда Вы составите и издадите вторую часть работы, — Вы сделаете большое и полезное дело и дадите занимающимся прекраснейший инструмент, который избавит его <sic!> от многоточной черной работы и спасет много времени. Итак, исполать Вам! Знаю, что и другие специалисты так же смотрят на Вашу работу, а потому да не смущается сердце Ваше.⁵⁴

В предисловии к «Пушкину в печати» среди прочего анонсировалось продолжение справочника: «Сводка всего, относящегося к истории напечатания произведений Пушкина, вышедших при его жизни, подробный указатель по годам произведений Пушкина, опубликованных впервые после его смерти (по 1914 год), а также статья о псевдопушкиниане, в которой будут напечатаны по возможности все произведения, когда-либо приписывавшиеся Пушкину, составят 2-й выпуск нашей работы». Судя по упоминанию в процитированном выше мартовском письме Синявского, работа над ним велась одновременно с вычиткой корректур первой части. 17 марта (то есть еще до выхода книги) Синявский делился с соавтором:

Работа по 2-му выпуску идет, пока что, вяло. Объясняется это и тяжелыми условиями в настоящее время занятий в Рум<янцевской> библиотеке, с другой стороны, неопределенностью плана и техники работы. Очень досадую, что в воскресенье не удалось побывать у Вас и потолковать на эту тему. Говоря по правде, задача работы по 2-му выпуску недостаточно конкретна, пока что. Хочется избежать относительных пробелов и т. п.⁵⁵

⁵³ 7 июня Бухгейм писал Цявловскому: «Многоуважаемый Мстислав Александрович! Спешу Вам в утешение сообщить отзыв Модзалевского о Вашей книге из письма ко мне: “Могу сказать только, что идея книги — прекрасна: ее, т. е. такой книги, нам недоставало, а когда выйдет вторая часть, не менее, если не более, необходимая, то мы можем считать себя совсем богачами”» (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 1, № 49, л. 2).

⁵⁴ РГАЛИ, ф. 2558, оп. 1, № 115, л. 14 об. — 15 (письмо от 1 июня 1914 г.).

⁵⁵ Там же, № 181, л. 5 об. — 6.

Вероятно, вскоре после выхода книги пути соавторов разошлись, хотя весной 1915 г. Синявский еще упоминает будущую совместную работу:

Дорогой Мстислав Александрович.

Как Вы поживаете, что нового у Вас по Пушкину, — и, в частности, как идет работа по 2<-й> ч<асти> «Пушкина в печати». У меня дело клеится медленно, все время так завален работой, что не приходится заниматься систематически. Может быть, поэтому и к Вам не захожу: боюсь, будете браниться. Но не думайте — работу по второй части не заброшу. Совесть есть. Крепко жму руку.⁵⁶

Впрочем, в письме 1916 г. о будущих планах нет уже и речи:

Дорогой Мстислав Александрович! Книга, за которой зашла к Вам сегодня моя жена, это — брошюра Вашей последней статьи, которую Вы читали в Университете. В театре Вы сказали, что меня ждет она — и что Вы сделали даже соответствующую надпись. — Сам занят еще больше, т<ак> к<ак> Управл<ение> командирует меня и по другим делам (помимо Раев<ской> Стр<оительной> Ком<иссии>⁵⁷). Как-нибудь зайдусь-соберусь.⁵⁸

После этого какие бы то ни было сведения о Синявском пропадают на двадцать лет. В московской адресной книге на 1917 г. значатся трое представителей семейства Синявских (если очерчивать его границы в соответствии с полицейским протоколом десятилетней давности): отец Александр Иванович (1-й Вражский пер., 4); значащаяся по одному с ним адресу Любовь Александровна и наш герой, представленный с пометой: «ст. Лосиноостровская Северной железной дороги, мыза Раево»; местом его работы названа «Раевская Строительная Комиссия. Московская контрольная палата». В следующем издании адресной книги (на 1923 г.) Синявских не осталось ни одного.

Только 9 мая 1936 г. Синявский вновь напомнит о себе бывшему соавтору:

Глубокоуважаемый Мстислав Александрович!

На днях я освободился от службы старшего бухгалтера в совхозе зав<ода> им. Калинина.

⁵⁶ Там же, л. 10 (письмо от 31 марта 1915 г.).

⁵⁷ Раевская войсковая строительная комиссия Московского военного округа.

⁵⁸ РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, № 516, л. 1 (письмо от 29 февраля 1916 г.).

Откровенно говоря, мягкость характера не выдержала обстановки — рвачества и грубости властвующих, при своем возрасте ищущей культурной обстановки, человеческого доверия. Хочу, в крайнем случае, перейти на ревизионную работу или бухгалтером в культурное учреждение.

Но, раньше решения вопроса о дальнейшей работе в указанном направлении, я обращаюсь к вам с предложением своих услуг в литературно-библиографическом отношении, — если, конечно, взвесив за и против, вы найдете возможным использовать мои силы.

Вообще говоря, отбрасывая неврастению и склероз сердца, я, думается, работоспособности не потерял.

Содержание мое по службе за последние годы до 450 р<ублей>, но я согласился бы на меньший заработок до 350 р<ублей>.

Итак, если я могу быть вам в настоящее время полезен, напишите мне по адресу: Ст. Тайнинская Сев. ж. д., Кривая ул., д. 3, кв. 4 (поселок «Пролетарий»).

Был у вас в 4-м часу 9 мая, но не решился вас лично оторвать от работы — если вы дома и заняты, — прочтя вашу записку 12 апреля.

Убедительная просьба ответить до 14 мая.

Уваж<ающий> вас Н. Синявский.⁵⁹

Ответ на это письмо нам неизвестен, но он, вероятно, существовал: поскольку именно в эти месяцы готовилось второе издание книги «Пушкин в печати» (приуроченное к юбилею 1937 г.), возвращение одного из авторов должно было оказаться весьма кстати как минимум в формально-бюрократическом смысле: для государственного издательства (книга выпущена «Соцэгимом») было бы, кажется, немисливо выпускать книгу в отсутствие договора с одним из соавторов. Во всяком случае, титулатура второго издания полностью тождественна первому — лишь оба предисловия, к обоим изданиям, подписаны одним Цвяловским. Впрочем, если при подготовке книги прежнее сотрудничество и было возобновлено, то продлилось оно недолго — ибо пять лет спустя Синявский вновь должен был напоминать о себе. На этот раз его письмо не сохранилось, но уцелел черновик ответного:

Дорогой Николай Александрович.

Прежде всего должен извиниться за невольную задержку ответа на Ваше письмо — меня не было 3 недели в Москве. Ваша

⁵⁹ РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, № 516, л. 3—3 об.

просьба ставит меня в весьма затруднительное положение. При всем желании сейчас я не могу Вам ничего обещать. Мое собственное положение не таково, чтобы я мог Вам быстро и реально помочь.

Ведь и сам я нигде не «служу» и могу только дать Вам рекомендательные письма в то или другое учреждение. Но это Вам может слабо — если предварительно не нащупать, что называется, почву не быть уверенным, что Вы работу получить имеете шансы. А для этого я должен порасспросить товарищей, подумать, что и обещаю Вам сделать и по выяснении сообщить. Во всяком случае я рад, что Вы — хоть и под давлением Врачебной комиссии — избавляетесь от непосильной и хлопотливой работы, к которой, кажется, никогда особенного пристрастия не имели. Но надо сказать, что именно сейчас не так-то легко переключиться на литературную (хотя бы библиографическую и техническую) специальность: спрос на таких работников небольшой, а предложений — много.

Сделаю все, что в моих силах.

27 апреля 1941.⁶⁰

Вероятно, из этих намерений бывшего соавтора ничего не вышло — по крайней мере, никаких ученых трудов, подписанных именем Синявского, разыскать не удалось. Этим документом и заканчивалась бы его биография, если бы не неожиданное вложение в университетское личное дело: предпоследним листом в архивной папке лежит его собственноручное заявление с просьбой выдать копию диплома.⁶¹ Датировано оно 13 августа 1955 г.: тогда же начальник архива МГУ оставил свою утвердительную резолюцию, и в тот же день диплом был выдан Синявскому на руки, что засвидетельствовано его собственноручной распиской. Таким образом, в 1955 г. он здравствовал и проживал в Москве на улице Малой Остроумовской — и с этого времени следы его теряются окончательно.

⁶⁰ РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, № 345, л. 1—1об.

⁶¹ ЦИАМ, ф. 418, оп. 317, № 1028, л. 28.